

БУСЫ

Любой маленькой девочке мамыны украшения в радость. Хочется быть такой же модницей, быть взрослой, иметь разноцветные бусы, сверкающие броши, браслеты и прочее, не говоря уже о губной помаде и высоких каблуках. А ещё хочется всё это надевать открыто, не таясь и не ожидая за ношение нагоняев. Однако пока приходится примерять это всё тайно, а носить так вообще по великим дням, когда мама где-нибудь задерживается. При этом нужно обойтись с вещами бережно, чтобы, не дай Бог, не испортить. К тому же перед тем как брать вещь, необходимо запомнить, как она лежит, и вернуть в точности на место. Если же мама поймёт, что её вещами пользовались, можно и по мягкому месту схлопотать.

Всё-таки взрослым жалко. Хоть и говорят, мала ещё, испортишь губы, в помаде одна химия. Это понятно, может, и вправду там какая-то мазь для детей не предназначенная. Но это про губную помаду. А про бусы? Что они содержат не предназначенное для ребёнка? Жадничают взрослые, вот и всё тут. Заботой прикрываются. А как не жадничать-то? Вот, допустим, у иной маленькой девочки стоит только попросить дорогой её сердцу фантик или календарик, не даст, не говоря уже

о красивой заколке. Вдруг испортишь? И мамы из этих же соображений не дают – вдруг испортишь?

Ланочка Копылова очень любила наряжаться. Её родители нещадно баловали. Ей доставалось всегда только самое лучшее. Но Ланочка была не совсем довольна. Её одевали в детские вещи, пусть красивые, пусть нарядные, но смешные, как казалось девочке. Ну что это за шапочка на голове? Не шапка вовсе, а колпак, как у Буратино, ещё и в полоску, ещё и с кисточкой на конце. Нет бы шляпку какую. Она, конечно, говорила родителям про это и не раз. Взрослые уверяли, что маленькая девочка будет смотреться в шляпке нелепо и очень комично. Ну и что же! Она потерпит этот смех. А в буратинку одеваться, разве не комично?

Хоть у мамы имелось не так много украшений, тем не менее они оставались под запретом. Особенно жемчужная нить. Мама восхищалась этим жемчугом, подчеркивала его натуральность, говорила, что нет ни одной похожей. Она надевала его в редких случаях или к вечернему платью, в отличие от Ланочки, гораздо чаще примерявшей это украшение. Красота переливающихся жемчужин завораживала, и девочка чувствовала себя маленькой принцессой.

Зато у Ланочки имелась очень добрая тётя, жаль, жившая в другом городе. Тётя Марина, не так давно окончившая школу, приходилась младшей сестрой отцу девочки. Марина была на выданье, и родители ей не отказывали в обновлениях, поэтому нарядов у девушки было не счесть. Как и любая другая молоденькая девчонка, она очень любила вертеться у зеркала, примеряя то одно, то другое платье, костюм или бижутерию. Ланочка, бывая в гостях у родственников, никогда не пропускала эти моменты. Тётя Марина не только всегда советовалась с маленькой девочкой, но и разрешала ей кое-что примерить. Она даже не ругала племянницу, если та красила губы или душилась.

У тётки Марины была роскошная копна тёмных волос. Она очень красиво укладывала их и обвивала бусами подобно модной когда-то певице Валентине Толкуновой. Как казалось Ланочке, бусы на волосах смотрелись более изящно, нежели чем на шее, поэтому девочка пыталась повторить подобный трюк, но у неё ничего не выходило. После примерок все бусы складывались в деревянную шкатулку. Верхняя часть шкатулки украшалась посеребрённой пластиной с цветочным орнаментом, внутри же изделие выстилалось тёмно-малиновым бархатом. Шкатулка, выполненная вручную, была родом из Италии. Бусы хранились в ней самые разные. В форме палочек, рожек, лепестков, бочонков, шариков. Янтарные, из лунного камня, из дерева сандала, из яшмы, из сердолика, из кошачьего глаза... Было несколько колец – из крошки перламутра в восемь нитей, лазуритовое, нефритовое. И если люби-

мым украшением тётки Марины являлось раухтопазовое кольцо, то Ланочке больше всего нравились бусы из чешского стекла. Гранёные бусинки фиолетового цвета, отражая свет, играли каждая своей мелодией, вместе составляя единый дружный хоровод. Ланочка брала бусы с придыханием, любовалась ими и никогда не примеряла. Они казались ей чем-то большим, нежели просто украшение. В каждой-каждой грани сквозила своя, интересная, никому неведомая жизнь. Эти бусы излучали волшебство. И из всех украшений на земле Ланочка хотела, чтобы ей принадлежали именно эти таинственные бусы.

Как говорится, бойся своих желаний. Через некоторое время бусы из чешского стекла, впрочем, как и все содержимое шкатулки, и впрямь стали принадлежать Лане.

Однажды ночью в квартире раздался телефонный звонок. С его первых завываний сразу стало понятным, что произошла какая-то неприятность. Сонному Игорю Копылову сообщили, что его сестра погибла. Сгорела вместе с подругой в пожаре. Обстоятельства этой гибели так до конца и не будут выяснены.

Ланочка с отцом ехали с похорон. Купе с ними делили две молоденькие девушки – Таня и Зоя. Девушки учились на педагогов и возвращались домой после удачно сданной сессии. Обе в хорошем расположении духа, весело щебетали, смеялись. Зоя, как показалось Ланочке, как-то по-особенному смотрела на её отца. При этом она пыталась рассмешить его, рассказывая какие-то забавные истории из жизни. Когда же отец ради приличия улыбался, она поджимала губки и делала вид, что сердится.

– Экий вы серьёзный! – кокетничала она. – Разве вам не смешно? Я когда рассказываю эту историю, все смеются.

– Над чем? – деловито спросила Ланочка, считая историю совсем несмешной и глупой, впрочем, как и соседку по купе, но тут же получила от родителя лёгкий подзатыльник.

– Не лезь в разговоры старших.

Ланочка насупилась. Из-за этой лупоглазой она ещё и получила. А отец почему молчит, сказал бы, что едет с похорон сестры и смеяться сейчас вовсе не намерен. Так нет же! Сидит, выслушивает всякую чушь и виновато улыбается от того, что ему не смешно. А Ланочке ровным счетом нет никакого дела до разговоров взрослых. У нее есть занятие поважнее. Она достала деревянную шкатулку. После похорон бабушка подарила девочке на память о тёте Марине золотые серёжки и шкатулку с бусами. Ланочка поначалу даже не поверила такому подарку судьбы.

– Куда теперь это? – вздохнула бабушка. – Вот возьми, играйся...

Тем временем, покуда отец вышел в тамбур покурить, Ланочка удобно устроилась на купейной полке. Потом открыла шкатулку и высыпала её содержимое на белую простынь. Таня и Зоя оживились.

– Ой, что это? Бусы! Какая прелесть! Ну-ка, покажи!

Ланочка хотела, было, сказать, что она пока ещё сама не рассмотрела, как в Зоиных руках оказалось одно из украшений. Эта Зоя Ланочке нравилась всё меньше и меньше.

– Авантюрин? – спросила девушка.

Ланочка неуверенно кивнула. Она и сама не знала, из какого камня бусы.

– Авантюрин, авантюрин! – со знанием дела сказала Зоя. – И сразу же ко мне в руки, знает, что люблю авантюры, – неприятно засмеялась она.

– Разрешешь посмотреть? – Таня была гораздо вежливее.

– Да, – ответила Ланочка, уже испытывая гордость, что тем самым обратила внимание на себя взрослых девушек.

– Я, в общем-то, предпочитаю благородный металл, – с долей презрения в голосе произнесла Зоя, перебирая бусы, – но пару вещичек из этой коллекции хотела бы заиметь. На повседневу.

– А по-моему, они оригинальны все до единого.

– Да брось ты! Дешёвка, – не унималась Зоя, оспаривая подругу.

– Конечно, это не бриллиантовые кольца, но и в самоцветах есть своя прелесть, – заступалась за бусы Татьяна.

Лана видела, что Зое нравятся бусы и смотрит она на украшения ярким, горящим взглядом, и чувствовалось, что говорит про них так нарочно. Только непонятно, зачем.

Девочка выслушала обидные речи, после чего стала собирать бусы.

– Подожди, подожди, – попросила Зоя.

Лана молча продолжила складывать украшения в шкатулку. Бережно. По-одному.

– Мы ещё не досмотрели, подожди, – нахально сказала Зоя. – Или тебе жалко?

Лана, ни слова не говоря, продолжала убирать бусы. За этим занятием её застал отец, вернувшийся из тамбура. От него пахло одновременно табаком и свежим морозным воздухом.

– Жадничает ваша дочка, – пожаловалась Зоя Копылову.

«А ты ябедничаешь», – подумалось Ланочке.

– Что такое?

– Просим посмотреть бусы, не даёт.

Отец вскинул бровь и уставился на Лану.

– Ты это чего? Дай посмотреть.

– Не дам, – заупрямилась девочка, – они смотрели уже.

– Пусть ещё посмотрят.

– Им уже хватит.

– Пусть смотрят, сколько хотят. Тебе жалко, что ли, этих побрякушек?

Лане было и жаль, и обидно. Обидно за тётю Марину, которая так любила эти все, как выразился отец, побрякушки.

– Не жадничай!

Лана положила шкатулку на столик и, отвернувшись, стала смотреть на деревья и столбы, мелькающие за окном поезда.

Девушки же были вновь оживлены перебиранием бус из деревянной шкатулки.

– Хорошенькие какие! Вот эти бы к моей открытой новой блузе подошли.

– А эти бы к моей водолазке.

Отец Лены тоже сидел молча и смотрел в окно.

– Лана, подари Тане и Зое по бусам, – неожиданно приказал он.

Девочка в первую секунду подумала, что ослышалась.

– Ты слышала, что я сказал?

Лана посмотрела на родителя с негодованием.

– Нет! – выпалила она.

– Я прошу, пусть им будет память о Марине. Выбери любые двое бус и подари.

– Нет! – Лана была непреклонна.

Ей самой память о тёте Марине нужна не меньше, чем этим двум студенткам.

– Ах, так! – психанул отец, глядя на дочь, сопротивляющуюся его просьбе-приказу, после чего схватил первые попавшиеся бусы из шкатулки и протянул Тане.

– Берите, это вам.

– Нет, нет, что вы, – залепетала Татьяна, – не надо. Спасибо.

А отец уже доставал другие и протягивал Зое. Взглянув на них, Лана обмерла. Это были её любимые, фиолетовые, из чешского стекла.

– Нет, только не эти! – чуть не заплакала девочка.

– Эти, эти, – радостно сказала Зоя, схватив самые загадочные бусы на свете, самые волшебные и самые таинственные.

По приезде домой Лана отказывалась общаться с отцом, впрочем, и родитель не жаждал разговаривать с ней. На вопросы Ирины Копыловой, что произошло между отцом и дочерью, оба уходили от ответов. А когда Ирина хотела, было, открыть привезённую дочерью шкатулку, девочка выхватила её из рук матери.

– Я сейчас вышвырну эту шкатулку, – вспыхнул Копылов, – совсем уже совесть потеряла. Что ты схватилась за эти безделушки? К тому же мала ещё носить их. Не знаешь, что ли, что это для взрослых?

– У вас всё для взрослых! Всё! – закричала Лана. – Вам, взрослым, всё позволительно! Красить губы, носить бусы, попрошайничать их, отдавать их без спроса! Вам даже умирать разрешается! Ну и вышвырните! Не нужна она мне! – с этими словами Лана бросила итальянскую шкатулку на пол, и даже не взглянув на выпавшие из неё бусы, бросилась прочь из комнаты.

– Не ходи за ней! – громко сказал Копылов жене.

– Если человек зол на весь мир, значит, его сильно обидели в детстве, – сказала мама Ланы.

Ирина подняла шкатулку, собрала в неё украшения. Когда она вошла в комнату дочери, девочка лежала на кровати и смотрела в потолок. Разговаривать дочь не желала. Ирина положила шкатулку на прикроватную тумбочку и вышла. К шкатулке Лана так и не притронулась. С этой минуты они с отцом не разговаривали.

Этим же вечером Ирина попросила дочь сходить в магазин за хлебом. Лана молча оделась, взяла деньги, пакет и вышла. Прохожих на улице было так же много, как и снежинок, снующих во все стороны. Проходя мимо ларька с хот-догами, Лана обратила внимание на девочку. Несуразно одетая, в мешковатом пальто и в армейской шапке-ушанке, надвинутой на глаза, в грязных руках она держала булку, наверняка сунутую кем-то из сердобольных покупателей хот-догов, и жадно откусывала. Никогда раньше Лана не обращала внимания на нищих.

Через несколько дней у Копыловых дома собрались все девочки Ланиного класса. Третьеклассницы решили сделать сувенирные открытки мальчишкам на приближающийся праздник 23-го февраля.

– Ой, что это? – спросила Земляникина Лиза, взяв в руки шкатулку.

– Шкатулка, – равнодушно ответила Лана.

Земляничка произнесла «шедевр» и открыла крышку. Увидев содержимое, тотчас закатила глаза.

– Девочки, гляньте!

И тут же вокруг неё столпились одноклассницы, склонившись над шкатулкой.

– Это мамино?

– Нет, моё, – всё так же равнодушно ответила Лана.

– Ух, ты! – девчонки с завистью разглядывали бусы.

– Мне бы такие, – со вздохом сказала Земляничка, примеряя изделие из тигрового глаза.

– Бери, – сказала Лана.

– А можно? Тебя не заругают?

– Нет, не заругают.

– И мне, и мне! – закричали девочки. – А нам можно?

– Можно, – спокойно произнесла Лана, – берите, кто какие хочет.

Девчонки начали выбирать себе бусы, иной раз хватаясь за одни и те же. А Дашка Удалова с Катькой Вагановой тянули-тянули лазуритовые, да и порвали. Бусинки, падая и цокая, разлетелись по полу.

– Давайте уже открытки делать, – грустно сказала Лана.

Наконец все бусы разобрались третьеклассницами, и шкатулка вернулась на место, но уже без своего содержимого.

Когда открытки были изготовлены и довольные одноклассницы с бусами-подарками ушли домой, Лана долго сидела за столом и мастерила. Она делала ещё одну открытку, ведь в этот день был канун праздника всех мужчин. Закончив трудиться над открыткой, девочка вписала в неё детским, но аккуратным почерком поздравление. Затем она открыла шкатулку и положила открытку на тёмно-малиновое лежбище.

На следующий день, как только Лана вернулась из школы, мама пригласила всех к праздничному столу. Лана зашла в свою комнату за подарком отцу. Она открыла шкатулку. На покоившейся на дне открытке лежали... бусы. Да, да, бусы. Из чешского стекла. Серебристого цвета.

МЫ – СИБИРЯКИ

У всех разные отношения с родственниками. Кто-то, долго не встречавшись с ними, думает: сто лет бы их ещё не видеть. Нет, это не про моих. Уверена, что все мои родственники рады встрече со мной. Это подтвердилось, когда на перроне небольшого вокзальца меня и мою сестру встречал наш дядька – дядя Коля. По его довольному виду с первой же секунды стало понятным, что встреча ему желанна. Он крепко обнял нас, расцеловал, схватил сумки и велел идти вслед за ним в машину. Чтобы попасть к дяде Коле в гости предстояло проехать ещё километров восемьдесят. В машине нас поджидала дяди Колина жена Галина Александровна. Женщина, скупая на эмоции, она тем не менее выказала радость при виде нас. Мы действительно не виделись лет сто. Дядька суетился, складывая наши чемоданы в багажник машины, что-то торопливо при этом рассказывая. На улице, несмотря на яркое солнце, дул довольно прохладный ветерок.

– Что ж вы одеты-то словно майские дачницы? – сокрушался он.

– Так лето ещё, дядя Коля.

Шли последние дни последнего летнего месяца.

– Будто бы не знали, что в Сибирь едете! – проворчал он и тут же стал искать в багажнике куртки.

Мы долго отнекивались от его тряпья, дескать, нам вовсе не холодно. Но дядя Коля был неумолим. Он разодел нас в какие-то теплые вещи, после чего мы стали похожи на отступающих французов с картины Верещагина «На

большой дороге». Не успели мы сесть в машины, как дяде Коле вздумалось нас кормить, шустро чистил вареные яйца, нарезал колбасу и прочее, и пища как-то сама собой залетала нам в рот, словно гоголевские галушки.

Наконец мы тронулись в путь. Дороги в те времена были ужасные, вернее их совсем не было. Особенно после дождей. То ли дело зимой, катишь себе по зимнику, словно на коньках по льду. А в иное время года – мучение. То застрянешь, то из колеи не выбраться, поэтому машины в тех местах в основном большегрузные, легковых почти не встретишь. У дяди Коли была «Нива», которой он очень гордился в силу ее хорошей проходимости. Вот на этой «Ниве» мы и держали путь в славный город Урай.

Дядька не переставал говорить ни на минуту.

– Знаете, куда я вас везу?

– Знаем, дядя Коля, к вам в гости, – недоуменно переглянулись мы.

– А ну-ка, уберите первую букву в названии города, что получится?

– Рай.

– Вот куда я вас везу. В рай! Да здесь кругом рай! – дядя Коля посмотрел налево, направо, отпустил руль, раскинул руки по сторонам. – Это же Сибирь-матушка! Сибирь державная!

– А почему это она державная, дядя Коля?

– Как почему? Как почему? А кто на себе всю Россию держит? Кто ее поит, кормит, обувает? Кто нефть поставляет? Кто минералы разные? А леса? Посмотрите, какие леса здесь! – и дядя Коля

вновь взмахнул руками, указывая на лес по обеим сторонам дороги.

– Крепче за баранку держись, шофёр, – пробубнила сидящая рядом Галина Александровна.

– А знаете, какое самое главное богатство Сибири?

– Пушнина?

– Сами вы пушнина! – дядька аж сверкнул глазами в негодовании. – Люди! Вот главное богатство Сибири! Лю-ди!

– Так люди везде есть, – возразили мы.

– Да вы что! Вы что, не знаете, какие здесь люди? Возьмите отца своего! Его братьев!

– Тебя, например, – съёрничала Галина Александровна.

– Да хоть бы и меня! Я коренной сибиряк! А мы сибиряки – ух, какие!

– И какие же? – спросила его жена.

– Да такие... надежные, крепкие, сильные. Сибиряки всегда придут на выручку, не подведут! У нас суровый характер, нас закалила сама природа. Мы не привыкли болтать, мы привыкли делать.

Я смотрела на своего дядьку. Небольшого росточка, крепенький, вечно с взлохмаченными волосами и длинными ровными бакенбардами, немного несуразный, смешливый. Но мне казалось, что за его мудрым цепким взглядом скрывается сибирская мудрость веков, а его могучие руки – олицетворение силы и труда этого края. Он весь нараспашку, так же как и душа жителей Сибири – распахнутая, щедрая, гостеприимная. Я так загордилась своей малой родиной, что выступили слезы, но влетевший в окно машины ветер мигом высушил их. Да, суров нрав Сибири, нечего нюни рас-

пускать, стойкость – вот главное качество сибиряков.

– Надежный мы народ – сибиряки, – с жаром продолжал дядя Коля, – потому и любят нас везде за наши бойцовские качества. У нас в Сибири мужик сказал – мужик сделал.

– Поэтому мужики в Сибири молчаливые, – усмехнулась Галина Александровна, но дядя Коля пропустил это высказывание мимо ушей.

Мы с сестрой рассмеялись. В следующее мгновение наше внимание привлек мужчина на дороге. Он махал рукой, показывая, чтобы мы остановились, что мы и сделали, но не заглушив двигатель.

– Приветствую, – сказал подошедший, – трос есть?

– Застражи, что ли? – спросил дядя Коля, оглядывая машину в противоположной колее и суесящийся возле нее народ.

– Да, – кивнул незнакомый водитель, – дёрнешь?

– Нет у меня троса! – сказал дядя Коля и, отмахнувшись от незнакомца, начал отъезжать.

Мы обернулись. Несколько мужиков безнадежно пытались вытолкнуть из колеи неподдающуюся их силам машину.

– Так, на чем я остановился? – спросил дядя Коля и тут же стал повествовать дальше. – Мы сибиряки – и этим все сказано. Надежности нам не занимать.

– Коля, – лукаво произнесла Галина Александровна, – а ведь у тебя есть трос.

Дядя Коля, словно не слыша ее, продолжал.

– Коля, – настойчивее произнесла Галина Александровна, – у тебя есть трос. В багажнике, – добавила она.

Дядя Коля вновь, казалось, и ухом не повел.

– Коля, не слышишь, что ли?

– Что, Коля? Что, Коля? – заерепенился дядька.

– Трос, говорю, у тебя есть. В багажнике.

– А они почему без троса?! – вскричал дядька. – Какое они имеют право ездить без троса? Вот посидят в колее, тогда запомнят на всю жизнь, что собираться перед дорогой нужно как следует.

– Коля! У тебя есть в багажнике трос, – укоризненно произнесла Галина Александровна, скрестив на груди руки.

– Да некогда мне! Один я, что ли, на дороге? Вон за нами толпа машин едет.

Мы оглянулись. Ни одной машины что-то не было видно.

– Ну, или поедет, – с досадой вымолвил дядька, – ко мне племянницы приехали, я их сто лет не видел!

Минут десять дядя Коля ехал молча, затем он остановился, развернулся и поехал назад. Вскоре мы вновь очутились у машины, попавшей в дорожную неприятность.

– Вспомнил, что есть в багажнике трос, – сказал дядя Коля подошедшему водителю, подавая спасительный предмет, – иди, цепляй.

Через какое-то время мы снова весело ехали в сторону Урая. Дядя Коля, подмигнув нам, бодро произнёс:

– Я же говорил: мы сибиряки – надежные люди!

---

*К статье Станислава Минакова
«У Василь Макаръича»*

Выступает Владимир Костин – лауреат Шукшинской премии 2018 года